

Опера «Дикая охота» как зеркало эпохи

Незабываемый вечер 6 апреля 1989 года, когда в Большом театре БССР впервые давали оперу Владимира Солтана «Дикая охота короля Стаха» в постановке Вячеслава Цюпы. Нет, конной милиции там не было – говорю как свидетель. Но люди штурмом брали кассы, а лишний билет спрашивали уже у памятника Богдановичу – там, где ныне начинается фонтан.

Тридцать два года прошло. Сменилась эпоха, сменился пейзаж, и Богданович смотрит уже на стоматологию, а не на 2-ю клиническую больницу. Сам театр изменился неузнаваемо, и изменилась опера Солтана, которая в 2021 году вернулась к нам в новой постановке Анны Моторной. На XI Минском международном Рождественском оперном форуме состоится ее восьмой премьерный показ.

Думаю, спектаклю суждена долгая жизнь, он уже стал новой визитной карточкой театра. Но в действительности все глубже, и эту глубину не так-то просто измерить привычными эхолотами музыкальной или театральной критики.

«Толстой как зеркало русской революции», – сказал когда-то блистательный журналист Владимир Ульянов,

он же Ленин. «Дикая охота короля Стаха» в двух постановках нашего Большого театра – зеркало двух эпох. 1989 год – перестройка, пустота в карманах и на полках магазинов, национальное возрождение. 2021 год – сытость, ковид и неудавшаяся, глупая, злая, по чужим лекалам сверстанная цветная революция.

Это в общественной жизни. А в культурной и духовной?

За 32 года партитура Солтана претерпела удивительные изменения, а сам композитор трагически погиб в ночь с 31 мая на 1 июня 1997 года.

Новая, посмертная, постановка оперы гораздо ближе к первоначальному замыслу композитора.

– Мы с Анной Дмитриевной Моторной решили, что постараемся полностью использовать весь музыкальный материал, который был написан композитором, – говорит дирижер-постановщик Андрей Иванов.

По его словам, при подготовке к премьере 1989 года авторская партитура была утеряна, и ее спешно восстанавливали по оркестровым голосам. При этом для экономии времени и бумаги музыкальные фрагменты,

Сцена из спектакля «Дикая охота короля Стаха». В роли Алеся Вороны – заслуженный артист Республики Беларусь Станислав Трифонов, Надежды Яновской – Елена Золова

Сцена из спектакля «Дикая охота короля Стаха». В роли Дубатовка – народный артист Беларуси Сергей Франковский, Андрея Белорецкого – народный артист Беларуси Владимир Громов, Алеся Вороны – заслуженный артист Республики Беларусь Станислав Трифонов

не вошедшие в спектакль, просто выкинули. В том числе четыре арии главных героев, огромную сцену, запечатлевшую народный обряд хождения со звездой, и многое другое.

Согласитесь, история сказочная! Вполне в духе «Дикой охоты». Невозможно поверить, что партитура оперы была в одном экземпляре. Невозможно поверить, чтобы этот единственный экземпляр странным образом куда-то пропал. Да, обстоятельства той премьеры были сложные. Тяжело заболел и умер за месяц до премьеры дирижер-постановщик «Дикой охоты», народный артист СССР Ярослав Вошак. За право дирижировать шли подкованные бои. И тогда для спасения спектакля был приглашен Александр Анисимов, который в начале 1980-х работал главным дирижером Большого театра БССР, но затем волею судьбы оказался на такой же должности в Перми.

Возможно, посреди всех этих перетурбаций произошла действительная или мнимая пропажа партитуры, призванная увековечить ту версию оперы, к которой приложил руку Вошак.

– Ярослав Антонович еженедельно давал Солтану задание. Совсем как Богатырев, у которого Солтан учился, – рассказывает заслуженный артист БССР Виктор Скоробогатов, исполнявший в том старом спектакле партию Белорецкого.

Было бы интересно с обеими партитурами в руках отследить, какие именно фрагменты тогда отверг Вошак.

Да, получилось компактно, быстро – как будто специально для тогдашних читателей Короткевича, которые брали журнал или книгу на одну ночь и лихорадочно проглатывали текст, не вникая в подробности. Читателей, которые впервые открыли для себя старую шляхетскую Беларусь с ее разрушенными замками, и этого открытия им хватило с головой.

А опера Солтана сложнее, глубже, больше – в прямом и переносном смысле. И когда в нее вторглись с хирургическим скальпелем, музыка утратила свою девственную цельность. Несмотря на сильные и яркие моменты, я ощущала в ней какую-то клочковатость, обрывистость.

А в нынешней полной редакции все встало на свои места, и музыка потекла полноводной рекой.

Так о чем же опера теперь и какие высоты-широты-глубины нашего бытия она в себе отражает?

Режиссер-постановщик Анна Моторная убеждена, что ее «Дикая охота» – это спектакль о Беларуси.

– Мы летим вниз – глубина. Мы смотрим вверх – глубина. И куда мы ни посмотрим – все, что мы имеем, выросло из нашей культуры. Вы увидите на сцене и готику, и барокко, и классицизм. Это Беларусь сегодня, понимаете? Каждый человек, который придет в этот зал, должен хоть немного почувствовать, кто здесь живет, кто эти замечательные люди, как они мыслили и чувствовали.

И действительно, мы видим эту Беларусь в образах и картинах, созданных талантом сценографа Алексея Меренкова. Мы слышим ее в песнях «январской мистерии» – колядных обрядов и свадеб, воссозданных композитором и исполненных блистательным хором Большого театра под управлением народной артистки Беларуси Нины Ломанович. Мы чувствуем ее, проживая судьбы Надежды Яновской, Белорецкого, Светловича.

Но это также спектакль о противлении злу. Здесь не так безнадежно, как в «Фаусте», где зло тотально и необратимо, потому что пребывает внутри человека. В «Дикой охоте» зло, казалось бы, персонализировано, хорошие люди страдают от плохих. Но в том-то и дело, что оно засекречено, объединяется в шайки и действует угрозами, им пропитан воздух... И что оно само себя полагает добром, считает себя вправе и это право искусно обосновывает.

Не знаю, так ли задумывался спектакль Анной Моторной, но именно так он считывается, вплоть до противопоставления призрачных коней «дикой охоты» живой и реальной крестьянской лошадке.

Забавно, кстати, что Виктор Иванович Скоробогатов, беседуя с журналистами в канун премьеры нового спектакля, упорно называл «охоту» «погоней».

С художественной стороны «Дикая охота» – яркое отражение двух эпох в жизни театра. И тогда, и теперь – блеск оркестра и ярчайшее звучание хора, который не только поет, но и танцует.

Кстати, главный хормейстер Большого театра народная артистка Беларуси Нина Ломанович – единственный постановщик, участвовавший в подготовке обеих премьер – старой и новой. Она как стержень, на котором держится сила этого театра. Актерский состав одинаково силен и тогда, и теперь. Легендарные Глаголева и Костенко в партии Надежды Яновской были на редкость хороши. Но могу утверждать со всей категоричностью, что Гаврилова, Золова, Данусевич, Кучинская ни на грамм не хуже. Тем более что в новой постановке у них вместо

арии – большая психологически насыщенная сцена. То же касается и мужских персонажей. Театр держит марку, которая установилась еще в 1950-х годах, когда костяк оперной труппы составляли блистательные приезжие вокалисты, которым по разным причинам не нашлось места в Ленинграде или в Москве. С той только разницей, что нынче наши оперные звезды – на 90 % выпускники Белорусской академии музыки.

А вот сценография в нынешней версии вышла на принципиально новый уровень. Но не потому, что художник Андрей Меренков лучше, чем Эрнст Гейдебрехт. Сценография Гейдебрехта – тонкая, ассоциативная (чего стоит один только образ полуразрушенного замка, наполовину поглощенного лесом!), романтическая. У Меренкова больше жесткости, больше металла – и это тоже знак эпохи, – но больше и народного, полотняного, соломенного, посконного.

Главное в том, что радикально изменились после реконструкции технические возможности самого театра.

И, конечно, режиссура! А она с приходом Анны Моторной в Большой театр Беларуси шагнула вперед и вверх – в интеллектуализм, в атмосферность. Удивительным образом режиссеру удается совмещать сложную метафору и открытую, яркую эмоциональность, точную выстроенность взаимоотношений и свободу актерского самовыражения. Это было и в «Фаусте», и теперь в «Дикой охоте короля Стаха». Спектакль заставляет чувствовать и думать – нечастый случай в современном искусстве!

Но самое главное – за 32 года очень сильно изменились мы: больше не воспринимаем «Дикую охоту» как сенсацию просто потому, что это Короткевич; не воспринимаем ее как идеологию или как идею, а исключительно как искусство. «Дикая охота» встала в один ряд с «Фаустом» и «Виллисами», с «Князем Игорем» и «Самсоном и Далилой». И это, мне думается, огромный шаг в нашем культурном самосознании.

Юлия АНДРЕЕВА

Фото Павла РУСАКА (Большой театр Беларуси)